

У Л Ъ С Т Е Р Е Ц Ъ ¹⁾.

Современная повѣсть Франкфорта Мура.

The Ulsterman. A Story of to day by *Frankfort Moore*.

Съ англійскаго.

IX.

М-ръ Кинганъ остался въ Ардреа выпить чаю и воспользовался случаемъ осмотрѣть садъ подъ руководствомъ Эленъ. Садъ былъ, какъ большинство садовъ въ этой части Ирландіи. Масса однолѣтнихъ растений, посаженныхъ по красивымъ клумбамъ, представляли пріятное сочетаніе цвѣтовъ, хотя и не были подобраны по тонамъ. Особенно великолѣпны были розы. Ардерри лежитъ въ центрѣ округа, который ежегодно выращиваетъ всѣ сорта розъ, какіе только появляются въ каталогахъ на соблазнъ любителей.

По просьбѣ Вилли Эленъ сорвала для него прелестный бутонъ. Они бродили по саду, болтая о предметахъ, одинаково ихъ обоимъ занимавшихъ, время отъ времени возвращаясь къ общимъ знакомымъ. Вилли спрашивалъ себя, не попытается ли она сказать что-нибудь въ защиту своихъ родителей. Многія изъ образованныхъ (если и не очень тонко воспитанныхъ!) мѣстныхъ барышень попытались бы найти извиненіе провинціализмамъ родителей, но Эленъ даже не намекнула на ихъ мѣстный говоръ, и Вилли готовъ былъ аплодировать ея такту или отсутствію безтактности.

Когда они подошли къ садовой скамейкѣ у клумбы, молодая дѣвушка понизила голосъ до степени дружескаго полупшопота и, приглашая Кингана сѣсть, проговорила:

— Присядемъ, я хочу вамъ кое-что сказать, а, пожалуй, другого случая не будетъ.

¹⁾ Продолженіе. См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. IX.

Она опустила на скамью, и онъ сѣлъ возлѣ нея. Произнесенныя вполголоса слова звучали таинственно, и Кинганъ насторожился, какъ подобало ульстерцу.

— Вы увѣрены, миссъ Александеръ, что именно мнѣ желаете довѣриться?—спросилъ онъ.

— Совершенно увѣрена. Когда я услышала, что вы придете къ намъ завтракать, т.-е. обѣдать, я очень обрадовалась, потому что такія вещи гораздо лучше говорить, чѣмъ писать.

— Гораздо лучше. Позвольте мнѣ дать вамъ одинъ совѣтъ, миссъ Александеръ: никогда не беритесь за перо, если можно этого избѣжать.

— Да я никому и не стала бы писать въ этомъ случаѣ, кромѣ васъ. Вы единственный человѣкъ, съ чѣмъ мнѣниемъ я посчиталась бы.

— Я польщенъ.

— Развѣ вы не знаете, какіе люди меня окружаютъ? Чѣмъ мнѣниемъ тутъ можно дорожить? Всѣ полны предразсудковъ, невѣжественны...

— Я не совсѣмъ согласенъ съ этимъ. По сосѣдству можно найти дальновидныхъ, наблюдательныхъ людей. Но не будемъ спорить. Я здѣсь и къ вашимъ услугамъ.

— Дѣло въ томъ, м-ръ Кинганъ, что — я боюсь — мой братъ Эдуардъ ставитъ себя въ нелѣпное положеніе.

— Серьезно? Я всегда считалъ его неглупымъ малымъ. Это связано съ фабрикой—его считаютъ самымъ дѣльнымъ инженеромъ въ округѣ—не изобрѣлъ ли онъ чего-нибудь?

— Нѣтъ, фабрика не при чемъ,—это касается барышни.

— О!

— Да; вы вѣрно слышали о миссъ Пауэръ изъ Дерри Рэшь?

— Да, я видѣлъ ее, но мы не знакомы; хорошенькая дѣвушка. Пауэръ—католики.

— Въ этомъ-то и суть. Они католики, но не фанатики, что однако не мѣняетъ дѣла. Если Эдуардъ женится на католичкѣ, отецъ прогонитъ его изъ дома. Если бы вы слышали, какъ онъ говоритъ о Пауэръ.

— Они единственные католики и сторонники гомруля по сосѣдству. Михаэль Пауэръ считается своего рода достопримѣчательностью. Можно годами жить въ Ульстерѣ и не видѣть ни одного сторонника гомруля. Пожалуй, до приѣзда въ Дублинъ я не встрѣчался ни съ однимъ. Господи, какъ это неприятно! Онъ не можетъ на ней жениться, но ея родные не позволяютъ и ей выйти за него. А вы увѣрены, что тутъ кроется нѣчто серьез-

ное? Она—хорошенькая барышня, и, можетъ быть, онъ увлекся ею, и они безобидно флиртуютъ. Онъ долженъ понимать — они оба должны видѣть, что въ серьезномъ случаѣ ихъ ждетъ разочарованіе и несчастье.

— Я увѣрена, что это не простой флиртъ. Но, можетъ быть, если захватить во-время...

Она остановилась. Онъ улыбнулся.

— Вы думаете, это, какъ остальные болѣзни, поддается лѣченію?—спросилъ онъ.

— Да, и я хочу спросить у васъ, какой методъ лѣченія долженъ быть здѣсь примѣненъ. Вы знаете оранжистскіе принципы отца, онъ того же требуетъ и отъ насъ.

— Онъ, какъ и всѣ благомыслящіе люди, убѣжденъ, что гомруль грозитъ намъ гибелью. Я съ нимъ вполне согласенъ. Джемсъ былъ вчера на демонстраціи, а Недъ отсутствовалъ.

— Онъ поѣхалъ на мотоциклетъ, вернулся только къ чаю и рассказалъ длинную исторію о томъ, какъ онъ сломался. Весь день онъ провелъ въ Деррирэшъ—и это Двѣнадцатое! Вообразить только: сынъ Джемса Александера въ католическомъ домѣ двѣнадцатаго іюля!

М-ръ Кинганъ серьезно покачалъ головой.

— Какой былъ бы ударъ отцу.

— Онъ просто выгонитъ Неда и откажется отъ него,—сказала Эленъ.— Я знаю это, потому-то мнѣ и нужно было съ кѣмъ-нибудь посоветоваться, съ настоящимъ другомъ, на котораго я могла бы положиться. Я чувствую, что вамъ я могу довѣриться—мы всѣ можемъ разсчитывать, что вы захотите подать намъ добрый совѣтъ.

— Конечно, вы можете вѣрить, что я все готовъ сдѣлать для васъ. Эдуардъ, вѣрно, и не подозреваетъ, что вамъ кое-что извѣстно.

— Я намекнула ему. Но, вы знаете, здѣсь трудно что-нибудь скрыть. Люди здѣсь словно шпионы, а говорить имъ не о чемъ, кромѣ гомруля; они ничего не читаютъ, не интересуются ни музыкой, ни картинами, ничѣмъ, что интересуется публику въ Дублинѣ или въ Лондонѣ. Я провела въ Дублинѣ мѣсяць весной у Роуандовъ, и за все это время ни разу не слышала — иначе какъ въ шутку слово „гомруль“. И опера, церковные концерты, театръ на Аббей-Стритъ съ пьесами, которыя въ Лондонѣ считаются типичнымъ отраженіемъ ирландской жизни... какъ все это непохоже на Бельфасть! Какъ божественно хорошъ былъ этотъ мѣсяць въ Дублинѣ!

Она нѣсколько отклонилась отъ предложеннаго вопроса. Онъ просто спросилъ: предполагаетъ ли братъ, что она нѣчто подозреваетъ объ его склонности къ Кэтъ Пауэръ,—а она увлеклась сравненіемъ Дублина и Бельфаста. Онъ вернулся къ своему вопросу:

— Если бы вы намекнули пространнѣе,—какъ вы думаете,—онъ остерегся бы?—спросилъ онъ.

Эленъ задумалась.

— Право, не знаю,—отвѣтила она, помолчавъ.—Пожалуй, онъ посовѣтовалъ бы мнѣ заниматься своими дѣлами. Здѣсь народъ не отличается дублинской деликатностью.

— Вѣжливость никогда не была нашимъ недостаткомъ,—подтвердилъ Вилли.—Но если онъ отвѣтилъ бы такъ вамъ, своей сестрѣ, что же сказалъ бы онъ мнѣ, вздумай я вмѣшаться?

— О, я отнюдь не подразумѣвала, что вы приметесь его убѣждать! — воскликнула она.—Я просто хотѣла спросить васъ,—не предотвращу ли я катастрофу, если поговорю съ отцомъ или съ матерью? Мнѣ казалось, будетъ лучше для всѣхъ насъ, если покончить съ этимъ, пока дѣло не зашло слишкомъ далеко.

— Конечно, но въ томъ-то и вопросъ, можно ли это пресѣчь безъ семейной драмы. Я думаю, лучше всего вамъ пока воздержаться. Недѣ достаточно взрослый, чтобы самому справляться со своими дѣлами. Вы сами говорите, что его визиты къ Пауэрамъ не могутъ долго оставаться тайной, о нихъ заговорятъ, и толки дойдутъ до отца.

— Онъ выгонитъ Неда изъ дома.

— Не выгонитъ. Онъ ограничится тѣмъ, что запретитъ ему бывать у Пауэровъ и пригрозитъ выгнать, если онъ не уймется.

— Вы полагаете, Недѣ подчинится?

— Полагаю,—во всякомъ случаѣ, спустя нѣкоторое время.

— А если онъ серьезно любитъ Кэтъ Пауэръ?

— Не думаю. А если онъ и любитъ ее, онъ сочтетъ болѣе благоразумнымъ отказаться отъ нея, нежели отъ всего, чего онъ можетъ ожидать отъ отца. Онъ не захочетъ лишиться своей доли въ завѣщаніи отца, не захочетъ уйти изъ отцовскаго дома.

— Конечно, нѣтъ; но развѣ мужчины всегда считаются съ благоразуміемъ въ вопросахъ любви?

— Не всегда и не всѣ. Но я полагаю, въ Ульстерѣ большинство мужчинъ слишкомъ благоразумны, чтобы дѣлать глупости изъ-за любви. Большинство смотрятъ на вещи прямо и сознаютъ, что подходящая партія—все, а неравный бракъ граничитъ съ несчастіемъ. Недѣ прекрасно понимаетъ, что женитьба на миссъ

Пауэръ для него равносильна гибели—и въ смыслѣ общественномъ, и въ смыслѣ финансовомъ. Онъ ничего не получить отъ отца и потеряетъ друзей. Пауэръ не возвращается въ одномъ съ вами кругѣ.

Эленъ помолчала и поднялась.

— Благодарю васъ. Поговоривъ съ вами, я чувствую значительное облегченіе. Я этого ждала. Здѣсь нѣтъ никого, съ кѣмъ я могла бы говорить такъ откровенно. Вы такъ не похожи на нашихъ сосѣдей. Вы были въ Оксфордѣ?

— Оксфордъ еще не все, миссъ Александеръ.

— О, для джентльмена это очень много значить. Я встрѣчала въ Дублинѣ очень милыхъ джентльменовъ, окончившихъ только Trinity College, но только Оксфордъ даетъ настоящій тонъ. Еще разъ благодарю. Я напишу вамъ, какъ все будетъ; вы, конечно, захотите помочь мнѣ своимъ совѣтомъ, если я окажусь въ затрудненіи.

— Я почту себя счастливымъ, если вы найдете, что я могу быть вамъ полезенъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы вамъ надоѣсть, у васъ есть о чемъ подумать. Говорятъ, вы дѣлаете карьеру; безъ сомнѣнія, вы пройдете на ближайшихъ выборахъ.

— Я былъ бы дѣйствительно страшно занятъ, если бы у меня не нашлось времени для такого друга, какъ вы!

Внезапнымъ порывомъ миссъ Эленъ молча протянула ему руку. Онъ пожалъ ее и проговорилъ, улыбаясь:

— Договоръ заключенъ. Если моя скромная служба вамъ можетъ быть полезна, я—въ вашемъ распоряженіи.

— Вы сняли такую тяжесть съ меня! Я чувствую себя одинокой.

Все это она проговорила очень мило, серьезнымъ полушопотомъ. Вилли находилъ, что она очень мила, и ему было пріятно быть съ ней на дружеской ногѣ. Онъ долженъ еще увидѣться съ нею до отъѣзда въ Дублинъ. Онъ былъ убѣжденъ, что она получить двадцать—двадцать пять тысячъ фунтовъ по смерти отца, а можетъ быть, и при выходѣ замужъ. Симпатичныя барышни, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Дублинѣ не ждали наслѣдствъ. Въ Ульстерѣ можно найти деньги, а деньги полезны.

Однако ужинать онъ не остался, какъ ни уговаривала его м-съ Александеръ, соблазняя скромнымъ меню, причемъ, перечисляя его блюда, не преминула замѣтить, что языкъ почти цѣлый. М-ръ Александеръ намекнулъ на бутылку шампанскаго со льдомъ, чтобы смазать яства. Эленъ передернуло. Въ аристокра-

тической школь въ Бельфастъ ей внушили, что провинціализмы обличаютъ дурной тонъ; даже если они ульстерскаго происхожденія.

Однако братъ Недъ, подозрѣвая, что было темой разговора сестры съ гостемъ, въ отместку ей замѣтилъ, какъ только Кинганъ вышелъ:

— Куда это онъ покотилъ ужинать? Вѣрно, къ Торнтонамъ.

— Не наше дѣло,—замѣтила мать.—Занимайтесь лучше своими дѣлами и не ломайте голову надъ чужими.

— Я просто такъ сказалъ; а вчера я охотно съѣлъ бы кусокъ другой языка,—сказалъ онъ.

— О чемъ ты съ нимъ разговаривала въ саду, когда мнѣ нужно было поговорить съ нимъ о дѣлѣ?—спросилъ м-ръ Александеръ.

— Дѣла, дѣла даже въ воскресенье!—воскликнула она.—Право, довольно съ него было „дѣлѣ“ за обѣдомъ: вы говорили все время о политикѣ, о противномъ гомрулѣ и ни одного новаго слова съ начала до конца—все старья, избитыя фразы, которыя ему, вѣроятно, такъ же пріѣлись, какъ мнѣ.

Она говорила вполоборота, направляясь къ двери и вышла, прежде чѣмъ отецъ успѣлъ опомниться отъ неожиданности.

— Какова дѣвчонка! Безстыжая дѣвчонка! Я научу ее разговаривать. Видѣли, Сузанна?

— Видѣла. Почему онъ ушелъ безъ ужина?—проговорила она.

— Да что вы болтаете?—недоумѣвающе спросилъ м-ръ Александеръ.—Я говорю о ней и ея непристойномъ поведеніи.

— И я тоже—отозвалась жена.—Но онъ долженъ былъ поужинать... Почти полная луна, а садъ такъ хорошъ при лунѣ.

Плетеный стулъ скрипнулъ отъ нетерпѣливаго движенія хозяина. Онъ съ недоумѣніемъ воззрился на жену, челюсть у него упала.

— Я усталъ, промолвилъ онъ, зѣвая.

Х.

Миссъ Александеръ была совершенно права: луна достигла почти полнаго круга, и садъ Ардрэа тонулъ въ розоватомъ свѣтѣ, хотя въ общемъ имѣлъ мало романтическихъ чертъ. Терраса, на которой сидѣлъ м-ръ Александеръ, была достаточно высока и открывала видъ на далекое озеро, мерцавшее на горизонтѣ, словно плавно текущая рѣка. Невысокія горы, вспаханныя почти до вершины, были залиты багрянцемъ, кромѣ тѣхъ неровныхъ мѣстъ, гдѣ колосья блестяли на свѣту, а Ратулагская долина тонула въ таин-

ственной мглѣ. Прядильныя фабрики Ардерри и Брипей лежали въ разстояніи мили, скрытыя деревьями усадьбы Дрента. Но м-ръ Александеръ смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ онѣ лежали. Единственный минусъ прекрасной ночи заключался въ томъ, что нельзя было увидѣть фабрикъ, напримѣръ, его собственной бринейской. Однако онъ понималъ, что нельзя соединить всѣ выгоды мѣстоположенія. А жаль, что не видно семидесятифутовыхъ трубъ! Но на крыльяхъ воображенія онъ перенесся подъ густолиственными деревьями усадьбы Дрента и спустился на крышу фабричнаго корпуса. Онъ задумчиво посмотрѣлъ на остовъ трубы (онъ всю недѣлю только о ней и думалъ попеременно съ гомрулемъ) и прошепталъ:

— Не знаю, поставятъ ли они котель ко вторнику.

Фабриканты въ Ульстерѣ обычно пользуются іюльскими праздниками для ремонта, благо въ ихъ распоряженіи имѣются два свободныхъ дня. Бываютъ случаи, когда этого срока нехватаетъ. М-ръ Александеръ, зная недочеты одного изъ котловъ, сомнѣвался, будетъ ли возможно возобновить работу во вторникъ.

— Не знаю,—успѣютъ ли они все наладить ко вторнику.

Было одиннадцать часовъ, и всѣ въ домѣ уже спали. Постепенно огни погасли, и осталась только одна лампа въ подъѣздѣ. Онъ слышалъ, какъ дочь подняла жалюзи и погасила огонь,— какъ кухарка опустила крюкъ на черной лѣстницѣ, затѣмъ наступила тишина, и ничто не нарушало его мыслей, по крайней мѣрѣ, съ полчаса. Едва ли онъ слышалъ хриплый лай собаки, доносившійся съ далекой фермы, не слышалъ и пѣнія на дорогѣ у озера: очевидно, какой-то добрый человѣкъ желалъ продлить праздникъ и закрывалъ уже третій трактиръ.

Надтреснутыя басовыя ноты чередовались съ слабымъ фальцетомъ и понемногу замерли. Опустилась теплая, тихая лѣтняя ночь...

Когда, послѣ нѣсколькихъ минутъ дремоты, м-ръ Александеръ открылъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собою человѣка. Собственно говоря, онъ уже и раньше почувствовалъ его присутствіе и неподвижно устался въ освѣщенное луной лицо... Руки его впились въ ручки кресла, глаза широко раскрылись, челюсть отвисла. Человѣкъ не шевелился и нѣсколько минутъ не сводилъ съ него глазъ, потомъ странно размѣялся.

— Здорово, Джэмсъ! Едва ли вы воображаете, кто передъ вами,—проговорилъ пришелецъ.—Стоитъ мнѣ уйти, и вы утромъ станете рассказывать, что видѣли духа!

Говоръ былъ ульстерскій, только, видимо, говорившій давно не жилъ въ Ульстерѣ, и углы его рѣчи пообтерлись. Однако даже

привычный родной акцентъ не могъ вернуть самообладанія Джэмсу Александеру; прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ глубоко перевелъ духъ и слабо пролепеталъ:

— Дикъ, Дикъ! Значить я осужденъ?

— Конечно, Джэмсъ; и это вамъ извѣстно лучше, чѣмъ кому бы то ни было. Вы положительно осуждены и вы приняли меня за духа, который явился извѣстить васъ объ этомъ. Но вы, Джэмсъ, знаете это съ тѣхъ поръ, какъ обманомъ захватили мою собственность и меня отправили къ чорту. Меня не удивляетъ, что вы посматриваете, не открыто ли гдѣ-нибудь въ домѣ окно; вы не очень бы желали, чтобы кто-нибудь услышалъ нашу пріятную бесѣду.

Однако м-ръ Александеръ всетаки оправился. Искаженные черты понемногу приняли свой нормальный видъ, ротъ закрылся, и гость могъ удостовѣриться, что онъ хитро и самодовольно улыбается.

— Вы—лжець!—были его первыя слова.—А теперь скажите, какимъ образомъ вы очутились тутъ послѣ съ лишкомъ тридцатилѣтняго отсутствія. Не вознамѣрились ли вы сполна заплатить своимъ кредиторамъ?

— Будь у меня такое намѣреніе, не долженъ ли бы я былъ вынуть изъ кармана револьверъ и прикончить васъ, потомъ запалить этотъ домъ? Скажите-ка. Такимъ путемъ я воздалъ бы вамъ сполна за все, чѣмъ вамъ обязанъ. Клянусь—всѣ эти годы я недоумѣвалъ, что удержало мою руку въ тотъ день, когда я пришелъ къ вамъ со словами: весьма вамъ благодаренъ Джэмсъ, теперь я готовъ вступить во владѣніе собственнымъ имуществомъ. Вы холодно повернулись и замѣтили:—О чемъ вы толкуете, добрый человѣкъ? Кому фабрика принадлежитъ, кромѣ меня? Полно, мнѣ некогда шутить!—Я не шучу,—отвѣтили вы,—вы скоро убѣдитесь въ своей ошибкѣ! И я, вмѣсто того чтобы пришибить васъ, заковылялъ куда глаза глядятъ, будто ничего не случилось!

— А я вамъ объясню, мой милый, въ чемъ тутъ дѣло. Вѣдь вы не сумасшедшій и вовсе не желали подставлять свои руки полицейскому, чтобы вамъ надѣли кандалы.

Гость помолчалъ. Потомъ заговорилъ, покачавъ головою:

— Это превосходить все, Джэмсъ. Съ вами самъ дьяволъ заодно! Я явился безъ предупрежденія, словно съ того свѣта, словно призракъ брата, котораго вы давно считали умершимъ. Мало ли что могло случиться въ теченіе тридцати лѣтъ!... Вы видите меня передъ собою, очнувшись отъ дремоты, и вы не удивлены.

Ей-Богу это—выдержка! Она превосходитъ все! Я полагаю, въ каждомъ человѣкѣ есть кое-что отъ дьявола,—но въ васъ слишкомъ много. Я сдаюсь, я побѣжденъ, Джэмсъ.

— Ну, вотъ теперь вы говорите дѣло, братъ Дикъ. Чудесная ночь, Дикъ. Быть можетъ, вы не откажетесь пройти со мною по саду. Какъ хорошо пахнутъ розы тамъ внизу.

— Я слышу ихъ запахъ и отсюда,—возразилъ Дикъ, когда братъ поднялся со стула.—Запахъ очень хорошъ, но васъ заботить, не слышны ли наши голоса въ домѣ. Идемъ, мой дорогой! Я на этотъ разъ готовъ сыграть вамъ въ руку. А славный домъ вы построили, Джэмсъ! И садъ недурной. А изрядно темно въ этомъ туннелѣ,—они подошли къ концу аллеи и Дикъ показалъ назадъ:—самое подходящее мѣсто для сведенія старыхъ счетовъ...

— Садитесь, Дикъ, и расскажите, что и какъ было за это время,—сказалъ м-ръ Александеръ, приглашая брата сѣсть на ту самую скамейку, гдѣ недавно сидѣла Эленъ съ Кинганомъ. Онъ просто игнорировалъ намекъ брата и даже не желалъ принять его за шутку.—Садитесь; можно подумать, что мы не видались всего годъ-два.—Гдѣ вы были и, прежде всего, сколотили ли вы капитадецъ, чтобы возстановить утраченное по собственной безопасности?

— Безпечность? Вы считаете легкомысліемъ передачу вамъ фабрики безъ формальнаго условія?—запальчиво спросилъ Дикъ, шаря въ карманѣ. Джэмсъ внимательно наблюдалъ зъ нимъ. Онъ отнюдь не трусилъ, хотя никогда не видывалъ, чтобы люди тутъ держали трубку. Тѣмъ не менѣе появилась именно трубка, а за нею и табакъ. Да къ чему бы въ данномъ случаѣ послужилъ договоръ? Онъ только крѣпче связалъ бы меня. Есть у васъ спички, Джэмсъ?

Джэмсъ протянулъ брату коробокъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ онъ.—Такъ вы, значить, подозревали кое-что, Дикъ.

— Да, кое-что мнѣ было извѣстно, но я считалъ, что долженъ вамъ вѣрить, и рѣшилъ рискнуть.

— А я съ самаго начала смотрѣлъ на это, какъ на сдѣлку. Я рисковалъ не меньше васъ, потому что нетрудно было установить, что я съ вами заодно обставляю вашихъ кредиторовъ. Но къ такимъ вещамъ нужно относиться дѣловымъ образомъ. Чувство, совѣсть—одно, а дѣло есть дѣло. Надѣюсь, вы тоже кое-что успѣли за это время, Дикъ?

— Не беспокойтесь, я не собираюсь у васъ просить взаимы,

Джэмсъ. Если бы мнѣ и понадобилось, къ вамъ я не обратился бы, не имѣя обезпеченія.

— Я увѣренъ. А гдѣ вы были все это время? Голова у васъ всегда была на плечахъ...

— Я побывалъ во многихъ мѣстахъ, но всего дольше жилъ въ Австраліи. Мнѣ говорили, что въ Австраліи трудно пробиться: слишкомъ много ульстерцевъ, съ ними трудно тягаться. Вотъ что мнѣ говорили.

— Готовъ побожиться, — такъ говорятъ націоналисты. Они всегда готовы чернить насъ за то, что мы не хотимъ имъ подчиняться. Паписты, я согласенъ, около насъ не проживятся, но ульстерецъ, если у него есть смекалка, очень хорошо можетъ устроиться съ земляками, если, конечно, онъ выберетъ вѣрный путь. Вы, конечно, воспользовались урокомъ, Дикъ, и пошли по настоящей дорогѣ?

— О, да, вы меня научили.

— Очень радъ убѣдиться въ вашей признательности. Я мо- ложе васъ, но я видѣлъ, въ чемъ ваша слабость: вы были чрезчуръ довѣрчивы. А такъ дѣла не дѣлаются. Я зналъ, что вы не пробьетесь, если не воспользуетесь первымъ урокомъ, который выпадаетъ на долю каждаго. Не довѣряй даже родному брату, пока онъ не дастъ расписку и ты не засвидѣтельствуешь его подпись въ ближней нотаріальной конторѣ: это создаетъ чувство особой увѣренности.

— Вы научили меня, и я весьма вамъ благодаренъ. Я не забылъ этого опыта. Повѣрьте, вамъ не удалось бы меня обставить вторично, Джэми.

— Я и не собираюсь пробовать. Итакъ, вы сумѣли устроиться. Ну, мы поговоримъ завтра, а сегодня ужъ поздно, не правда ли? Надѣюсь, вы не собираетесь платить своимъ кредиторамъ? Изъ этого никогда ничего путнаго не выходитъ. Банкротство—обычный торговый рискъ; и рискъ этотъ, его цѣнность падаетъ, когда человекъ, пройдя черезъ судъ, пожелаетъ платить по двадцать шиллинговъ за фунтъ да еще проценты въ теченіе двадцати лѣтъ.

— Такіе случаи въ Ульстерѣ нечасты. Я помню единственный случай въ Лисбѣрнѣ, люди эти никогда ужъ не могли оправиться съ той поры. Не беспокойтесь, у меня ничего подобнаго и въ мысляхъ не было.

— И вы правы. Такія вещи только будятъ подозрѣнія. Вы женаты, Ричардъ?

— Да.

— Надѣюсь, у нея кое-что было?

— О, да, и признаюсь, ея приданое насъ выручило.

— Правильно. И семейство есть?

— Одинъ сынъ. Ну, а какъ ваши дѣла?

— Недурно. Но почему вы не написали, чтобы предупредить?

Не по-братски отпускатъ васъ, но въ отдѣльной комнатѣ нѣтъ постели. Вы остановились у Вернера Армъ?

— Да. Видите ли, я былъ въ Бельфаствѣ и захотѣлъ сдѣлать вамъ сюрпризъ.

— И сдѣлали.

— Я рассчитывалъ иначе...

— Ну, будетъ вамъ, мой милый. Приходите завтра.

— Хорошо, тамъ увидимъ. Я бываю въ Бельфаствѣ.

— Комната будетъ васъ ждать, Дикъ. Право, повѣяло старинной, когда я увидѣлъ васъ. Чортъ возьми, вы лучше, чѣмъ были. Войдемъ и пропустимъ по рюмочкѣ, и я провожу васъ немного.

— Не откажусь,—отвѣтилъ Дикъ, слѣдуя за братомъ, направившимся въ столовую. Ни словомъ не обнаруживъ вниманія къ размѣрамъ столовой, онъ просто выпилъ виски, налитое братомъ.

— Есть у васъ спички?—спросилъ онъ, прощаясь, когда они дошли до выхода на дорогу, бѣжавшую черезъ самое сердце Ульстера.

XI.

Джэмсъ Александеръ недалеко проводилъ брата, но когда онъ вернулся въ Ардрэа, было уже далеко за полночь. Однако онъ и тутъ не сразу легъ спать. Ему было о чемъ подумать, а думать лучше, шагая на открытомъ воздухѣ, чѣмъ ворочаясь въ постели. Никогда даже собственному брату онъ не показалъ бы виду, что взволнованъ его визитомъ: не въ обычай ульстерскихъ дѣльцовъ обнаруживать то, что можно скрыть, хотя бы и отъ брата. Всякая откровенность, по ихъ мнѣнью,—слабость, которая, при случаѣ можетъ быть использована другими. Поэтому они создали себѣ репутацію скрытныхъ людей и дѣйствительно очень замкнуты. Однако не много на свѣтѣ людей, которые умѣютъ быть скрытными сами передъ собой. Бываетъ, что человѣкъ увѣряетъ себя въ невозмутимомъ спокойствіи, а у самого на лбу капли пота.

Братъ явился передъ нимъ, какъ онъ самъ сказалъ, словно съ того свѣта; правда, онъ, Джэмсъ, довольно быстро оправился отъ неожиданности и владѣлъ собою при братѣ, но, очутившись снова одинъ на террасѣ, онъ почувствовалъ себя точно послѣ

страшнаго сна съ привидѣніемъ, послѣ кошмара съ душившимъ его мертвецомъ.

Онъ давно ужъ считалъ Дика умершимъ. Прошло больше тридцати лѣтъ со времени его отъѣзда, и за это время онъ ничего о немъ не слышалъ. Сначала онъ думалъ (изрѣдка вспоминая о немъ), что онъ живъ, затѣмъ сталъ сомнѣваться въ томъ, и наконецъ пересталъ допускать и мысль объ его существованіи. И вдругъ часъ тому назадъ, когда онъ спокойно дремалъ въ камышевомъ креслѣ и вдругъ раскрылъ глаза, онъ увидѣлъ при свѣтѣ луны этого самаго брата.

Онъ не сразу узналъ своего гостя, но когда Дикъ заговорилъ, онъ узналъ его голосъ и нѣкоторое время готовъ былъ думать, что слышитъ его изъ-за могилы. И теперь еще онъ не вполне отдавалъ себѣ отчетъ въ дѣйствительности всего происшедшаго и не могъ отрѣшиться отъ ощущенія кошмара.

Войдя въ домъ, онъ прошелъ въ столовую. Онъ зналъ, что ему нужно, но былъ изумленъ, когда горлышко графина стукнуло о рюмку: ему стало стыдно передъ самимъ собою. Изъ-за чего онъ такъ волнуется? Развѣ и въ этотъ разъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, верхъ не остался за нимъ? Онъ понялъ, что Дикъ явился, чтобы „разсчитаться“ съ нимъ за прошлое; но благодаря тактичности его, Джэмса, онъ не привелъ въ исполненіе этого намѣренія; вмѣсто того чтобы осыпать его упреками, онъ ограничился тѣмъ, что назвалъ его воромъ, но даже и это обвиненіе Джэмсъ сумѣлъ отклонить, и они разстались самымъ дружескимъ образомъ.

И тѣмъ не менѣе у него дрожать руки, когда онъ наливаетъ виски! Неудивительно, что ему стыдно себя самого. Онъ хлебнулъ виски и тихо опустился въ кресло.

„Бѣдный Дикъ! Бѣдный старый другъ! Лучше бы ему не пробовать тягаться со мною! Хорошъ—духъ! Бѣдняга! Чего онъ ждалъ? Неужто онъ воображалъ, что я паду къ его ногамъ и буду молить о пощадѣ? Случай ему благопріятствовалъ: я, кажется, задремалъ и, очнувшись, увидѣлъ его передъ собою черезъ тридцать лѣтъ! Какъ же взволноваться! Но я сумѣлъ дать ему понять, что онъ ошибся, и онъ признался. „Однако и выдержка у васъ!“—сказалъ онъ, и въ голосѣ его звучало уваженіе: онъ чувствовалъ мое превосходство. Бѣдный Дикъ!... Подумать только, черезъ тридцать, стой, тридцать два года! Господи, подумать только!“

Джэмсъ просидѣлъ около часа, погруженный въ мысли и воспоминанія.

Онъ вспоминаль, какъ братъ Ричардъ ночью пришелъ къ нему въ его маленькій коттеджъ (онъ былъ еще мастеромъ) и рассказалъ о предстоящемъ банкротствѣ. Банкротство можно было оттянуть на годъ, на два, а тѣмъ временемъ можно все обставить самымъ законнымъ образомъ. Планъ Ричарда сводился къ тому, чтобы фиктивно передать Джэмсу маленькую прядильную фабрику: онъ долженъ былъ вести ее до окончанія процедуры съ банкротствомъ, а затѣмъ обѣленный банкротъ снова вступить во владѣніе ею, уплативъ Джэмсу сто фунтовъ за содѣйствіе.

Планъ понравился Джэмсу. Правда, предстояло нагрѣть десятка два кредиторовъ, но Дикъ подчеркнул, что всегда старался имѣть дѣло съ крупными фирмами, которымъ нечувствительна потеря нѣсколькихъ сотенъ; онъ не стануть швырять деньги на преслѣдованіе банкротовъ, несостоятельность коихъ подтверждена присягой. Надоѣдливы мелкіе кредиторы—Дикъ, повидимому, серьезно изучилъ предметъ. Крупныя фирмы не стануть возиться съ отсрочками, потому что имъ знакома практика медицинскихъ свидѣтельствъ: очевидно, банкротство постигаетъ наиболѣе чувствительныхъ людей: они заболѣваютъ при одной мысли о появленіи въ судѣ. О, Дикъ подробно, такъ сказать, до четырехзначныхъ десятичныхъ дробей, обдумаль свой планъ: цифры послѣ запятой означали крупныхъ кредиторовъ, а мелкіе были низведены на еще низшую степень. Дикъ все обдумаль и предусмотрѣль, опустивъ только одну мелочь, и она оказалась важнѣе всего. Онъ предположилъ, что братъ его *честно* поможетъ ему провести его мошенническій планъ. Джэмсъ мрачно согласился: онъ былъ увѣренъ, что этотъ пріемъ не всбудитъ подозрѣній со стороны брата. Результатъ оправдалъ расчеты Дика. Онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ, а когда кредиторы захотѣли завладѣть маленькой фабрикой, двери ея оказались заперты, и свидѣтели подтвердили, что она принадлежитъ не банкроту, а его младшему брату.

Конечно, не обошлось безъ шумихи, даже наличности присяги; нашлись люди, которые прямо говорили, правда шопотомъ, что братья—мошенники, но братья не огорчились бы даже въ томъ случаѣ, если бы кто-нибудь, подобно муэдзину съ минарета, съ фабричной трубы прокричалъ то же самое. Потерпѣвшіе кредиторы, конечно, роптали, но огрызались, преимущественно, дворняжки (Дикъ такъ называль ихъ не потому, что сердился на нихъ, а потому, что прозвище подходило). Крупныя фирмы, Дикъ не ошибся, отнеслись къ факту великодушно, пожали

плечами и записали цифру въ издержки. Банкротство сошло необычайно гладко для банкрота. Такъ Ричардъ думалъ, пока, мѣсяца черезъ два, не пришелъ къ брату.

— А тонко мы провели дѣло, Джэмсъ; я думаю, что въ понедѣльникъ я начну, но вы можете остаться въ качествѣ управляющаго.

— Что вы говорите, милый Ричардъ?—переспросилъ Джэмсъ съ ничего не выражающей миной.

— Что вы хотите сказать, мой другъ? Я ясно сказалъ, что снова вступлю во владѣніе своей фабрикой.

— О чемъ вы говорите, любезный? *Ваша* фабрика? О какой фабрикѣ идетъ рѣчь?

— Бросьте, не время дурачиться!

— Да я какъ нельзя болѣе серьезень, Дикъ. Время дурачества миновало. Довольно вы подурачились съ кредиторами, меня вамъ не придется одурачить. Фабрика моя, Дикъ, — понимаете? Моя—въ силу подтвержденныхъ присягою показаній, принятыхъ судомъ. Я еще разъ повторяю: фабрика—моя, но вы, если желаете, можете поступить ко мнѣ управляющимъ; нечего стоять и глазѣть на меня, меня ждетъ дѣло.

Джэмсъ Александеръ, сидя въ креслѣ съ зажатымъ въ рукѣ стаканомъ, изъ котораго только что пилъ виски, ясно видѣлъ передъ собою сцену, разыгравшуюся между нимъ и братомъ тридцать два года назадъ. Онъ отчетливо помнилъ каждое слово, сказанное кѣмъ-нибудь изъ нихъ, вплоть до проклятія, съ которымъ братъ удалился.

— Ладно, Джэмсъ Александеръ,—сказалъ онъ.—Вы загнали меня въ щель, но не думайте, что вамъ ваше мошенничество пойдетъ впрокъ. Оно будетъ проклятіемъ вамъ и дѣтямъ вашимъ, если только на небѣ есть Богъ!

Это было нехорошо со стороны Дика, но братъ не сердился на него, наоборотъ, онъ одобрялъ его за чисто проведенное дѣло... Онъ неоднократно недоумѣвалъ, почему Дикъ тогда не поколотилъ его; тотъ и самъ только что признался, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могъ объяснить себѣ этого. Конечно, проклятіе прозвучало очень сурово, но оно явилось лишь слабой замѣной удара и за эти годы не создало ему ни одного неприятнаго момента. Онъ не вѣрилъ въ то, что проклятіе можетъ неблагоприятно отразиться на ходѣ фабрики. Онъ слыхивалъ о „проклятій“, тяготѣющемъ надъ старыми родами: иногда оно облечено даже въ стихотворную форму, но никогда не слыхивалъ, чтобы энергичный мясникъ, булочникъ или прядильщикъ стали

жертвой проклятія, которымъ заклеили ихъ ремесло. Стихотворныя проклятія дѣйствительны только для графскихъ родовъ, они безсильны, когда наталкиваются на упорство и опредѣленное желаніе добиться успѣха какой бы то ни было цѣной. А этими качествами онъ, Джэмсъ, обладалъ въ полной мѣрѣ. Онъ рѣшилъ пробиться и пробился. Его энергіей маленькая фабрика выросла въ большую, и самъ онъ сталъ величиной въ своей округѣ. Конечно, много неудачъ было и у него, но онъ зналъ, что въ погонѣ за деньгами къ неудачамъ нужно приготовиться заранее, онѣ—залогъ успѣха. Онъ пробился и гордъ своимъ успѣхомъ. Братъ его тоже вышелъ на дорогу. Онъ не завидуетъ его благосостоянію, напротивъ, онъ радъ ему, оно избавляетъ его отъ тяжелой необходимости отказать въ денежной помощи. Онъ можетъ быть великодушнымъ, небо—свидѣтель, онъ не завидуетъ Дикю.

Проглотивъ еще стаканъ виски съ содовой водой, онъ сталъ думать, что Дикъ ему обязанъ своимъ благосостояніемъ: завладѣвъ его фабрикой, онъ тѣмъ самымъ понудилъ его уѣхать за море, гдѣ наживаются всѣ, надѣленные отъ природы качествами ульстерцевъ, людей дѣла по преимуществу. Дикъ въ значительной мѣрѣ обязанъ ему; онъ ужъ высказалъ это ему, когда они сидѣли на скамейкѣ въ саду, но теперь онъ самъ проникся этимъ сознаниемъ: онъ создалъ благосостояніе брата! Дикъ призналъ, что онъ научилъ его не довѣрять даже родному брату.

Онъ былъ доволенъ собою и налилъ себѣ третій стаканчикъ (первые два онъ выпилъ для бодрости) и выпилъ въ знакъ удовлетворенія,—за собственное здоровье, привѣтствуя въ своемъ лицѣ хорошаго товарища; добраго патріота и хорошаго брата. Его размышленія приняли форму хвалебнаго спича въ честь собственной персоны. Предсѣдатель поднялся съ мѣста при звонѣ бокаловъ и восторженномъ шарканьѣ ногъ, и онъ разслышалъ красивый мотивъ:

„Онъ славный веселый малый“ и т. д.

Необходимо было отвѣтить. Джэмсъ оперся на столъ, чтобы встать: трудно было. Поднявшись, онъ сталъ искать глазами предсѣдателя, но стѣны комнаты и мебель плясали вокругъ... Фигура въ красномъ въ дверяхъ—едва ли предсѣдатель... Кой же чортъ это можетъ быть?..

„Джэмсъ Александеръ. Неужели вамъ не стыдно?—проговорило видѣніе.—Половина второго ночи съ воскресенья на понедѣльникъ и домъ давно ужъ спитъ! Посмотрите на графинь! Послѣ ужина онъ былъ почти полонъ, а теперь въ немъ едва ли

осталось съ рюмку! Вотъ что у васъ называется посидѣть на свѣжемъ воздухѣ! Стыдитесь! Снимайте сапоги и ложитесь спать! Нельзя же перебудить весь домъ... Вы выпили цѣлую бутылку виски, не считая того, что выпито за обѣдомъ и послѣ“.

— Сузанна,—съ достоинствомъ, держась за столъ, проговорилъ Джемсъ Александеръ.— Я имѣю право. Кто, думаете вы, былъ здѣсь, въ этой комнатѣ и въ саду? Мой братъ, милый Ричардъ Александеръ, не кто иной. Онъ возвратился черезъ тридцать два года, здоровый, бодрый, и ушелъ вполне довольный тѣмъ, что я для него сдѣлалъ. Онъ такъ и сказалъ: „Вы научили меня, Джэмсъ“, и рассказалъ, какъ онъ устроился. Онъ отнюдь не питаетъ ко мнѣ злобы, Сузанна.

— Ну, будетъ, Джэмсъ. Пойдемъ въ постель. Садитесь, я сниму съ васъ сапоги.

— Почему я самъ не могу ихъ снять?—воскликнулъ онъ, хватаясь за спинку стула.— Вы воображаете, что я пьянъ. Нѣтъ, я не пьянъ. Неужели вы не видите разницы между человѣкомъ, который выпилъ, и тѣмъ, кто обрѣлъ давно утраченнаго брата?

— Сядьте, я сейчасъ сниму. Не срамитесь, не поднимайте весь домъ.

Ей удалось-таки его уговорить. Опустившись на колѣни, она сняла съ него обувь, и, когда разбудила, послѣ этой операци онъ оказался гораздо податливѣе. Придя въ спальню, онъ, едва добравшись до подушки, заплакалъ счастливыми слезами, лепеча о томъ, что создалъ благополучіе брата.

Добрая жена не волновалась: она имѣла достаточный опытъ, но недоумѣвала, почему ему взбрело говорить о братѣ. Кончилось тѣмъ, что она пришла къ заключенію, что онъ слишкомъ долго сидѣлъ на лунномъ свѣтѣ: она вѣрила въ дѣйствіе луны и слышала, что лунатизмъ опаснѣй солнечнаго удара.

Виски ее не тревожило: о немъ не стоило думать. Такіе инциденты никого въ Ульстерѣ не пугаютъ.

ХІІ.

Эдуардъ Александеръ задѣлъ сестру за живое, предположивъ, что Вилли Кинганъ „покатилъ“ къ Торнтонамъ. Этотъ уколъ вызвалъ у Эленъ вспышку противъ отца, завладѣвшаго вниманіемъ гостя за обѣдомъ и послѣ. Она считала вѣроятнымъ предположеніе брата и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла себѣ контрастъ, который ожидаетъ Вилли, послѣ ихъ дома, въ домѣ Торнтона.

Она не ошиблась. Когда Вилли увидѣлъ полковника Торнтона

съ дочерью на террасѣ ихъ дома среди безмятежнаго покоя, (покой—единственное настоящее слово, покой первой Субботы, когда Творецъ почилъ отъ дѣлъ своихъ, найдя, что все „зѣло добро“), когда Кинганъ увидѣлъ ихъ, онъ ощутилъ этотъ контрастъ.

Съ минуту онъ стоялъ между деревьями и издали созерцалъ двѣ фигуры. Старикъ курилъ сигару, молодая дѣвушка сидѣла съ нераскрытой книгой на колѣняхъ. Они наслаждались покоемъ. Глядя на нихъ, Вилли недоумѣвалъ, почему люди (себя онъ не исключалъ изъ ихъ числа) ищутъ радости въ жизненной борьбѣ, когда счастье вотъ здѣсь. Всѣ его честолюбивыя мечты вдругъ стали пошлы, крикливы.

Передъ нимъ—все, къ чему человѣкъ долженъ стремиться. Онъ вздохнулъ и направился къ террасѣ. Онъ сознавалъ, что не можетъ отбросить всѣ надежды, стремленія, мечты о широкомъ поприщѣ и борьбѣ, хотя и чувствовалъ, что способенъ подчиниться болѣе утонченнымъ влiяніямъ. Въ немъ не было достаточно силъ, чтобы отвернуться отъ цѣли, къ которой онъ стремился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ради иной, болѣе цѣнной.

Пройдя еще шаговъ десять, онъ снова остановился, и у него мелькнула смутная мысль:

„Она, только одна она могла бы это! Если она скажетъ, я повинуюсь!“

Онъ быстро зашагалъ по образцовому саду, съ клумбами, со старымъ фонтаномъ, съ вьющимися розами. Не успѣлъ Вилли взойти на двѣнадцать каменныхъ ступеней террасы, какъ она увидѣла его и поднялась ему навстрѣчу.

Ему казалось, что только она одна могла гармонировать съ этой обстановкой, съ этимъ міромъ цвѣтовъ. Граціозная, какъ цвѣтокъ, она казалась цвѣткомъ, колеблемымъ вѣтромъ.

Онъ думалъ это, а онъ былъ воплощеніемъ прозы!

Минна Торнтонъ считалась высокой среди маленькихъ барышень. Въ сущности она была не особенно высока. Брюнетки считали ее бѣлокурой, но она была не особенно свѣтлая. Ея волосы могли быть синонимомъ осени, красноватые съ золотистымъ отливомъ, глаза, „сѣрые среди голубыхъ, голубые среди сѣрыхъ“, напоминали широко раскрытые удивленные глаза ребенка, доврчивые въ своемъ невѣдѣніи. Прелестная дѣвушка, которая заставляетъ прозаически настроенныхъ людей вспоминать забытые стихи юности.

Обрывки многочисленныхъ стиховъ замелькали въ памяти Вилли, гармонически переплетаясь, какъ пѣніе птичекъ въ лѣсу весенней порой. Каждая встрѣча открывала ему новыя стороны,

никогда имъ не виданныя, то новый жестъ, то новый поклонъ головы. Сегодня его поразила ея рука, лежавшая на краю каменной вазы. Розовато-бѣлая, она казалась лепесткомъ цвѣтка, не розы, а иного, болѣе рѣдкаго, словно воскового, но вмѣстѣ съ тѣмъ живого, не увядающаго съ лѣтомъ цвѣтка.

И подумать, что онъ только что держалъ эту руку въ своей!

— Чудесно,—проговорилъ онъ, подразумѣвая красоту вечера.— Что можетъ сравниться съ прелестью прогулки подъ вашими буквами въ июльскій вечеръ! Солнце не слишкомъ низко... О, Минна, я ничего подобнаго нигдѣ не видѣлъ, и въ концѣ пути—вы!

— Хорошо, что вы надумали прійти; отцу очень хочется поговорить съ вами, и мнѣ тоже. Вы являетесь къ намъ, какъ подобаетъ жителю столицы, какъ бывало полтора ста лѣтъ тому назадъ приходили сюда горожане, съ рассказами о напряженной городской жизни... Мы вамъ благодарны, Вилли...

Тутъ къ нимъ подошелъ ея отецъ: благодаря ранѣ, полученной тридцать лѣтъ тому назадъ въ Египтѣ, онъ ходилъ, слегка прихрамывая.

— Радъ, что вы выбрались,—сказалъ онъ,—мы васъ не видѣли съ Рождества. Мы могли бы за это время оказаться во власти нѣмцевъ, ирландцевъ или иной какой державы, а вы все развлекались бы пикниками, вечерами и прочими прелестями лѣтняго сезона. Господи! Что дѣлалось въ замкахъ въ дни Аберкорновъ и Лондондерри!

— Дорогой папа, не удивительно, что режимъ этотъ рушится, вѣдь онъ близокъ къ концу,—замѣтила дочь.

— Да, словно домъ, который не поддается ремонту.

— Во всякомъ случаѣ герцоги Эбердинъ сдѣлали кое-что для ирландской промышленности,—съ улыбкой вставилъ Вилли.

— Они воскресили вязанье крючкомъ и подняли на него моду, назвавъ его „кружевомъ“.

— Не знаю, много ли они сдѣлали для тончайшихъ вышивокъ по полотну на Сѣверѣ,—возразилъ полковникъ.— Въ дни моей юности вышиваніе было кустарной промышленностью, распространенной чуть не по всему Ульстеру. Въ лѣтніе вечера всюду можно было видѣть молодыхъ дѣвушекъ, располагавшихся съ работой на крыльцѣ; иглы и ножницы мелькали надъ полотномъ, натянутымъ на маленькіе пальцы. Прозрачная гладь была удивительно прочна и красива.

— Да, тогда умѣли стирать,—возразила Минна,—теперь ничто не устоитъ противъ разрушительнаго дѣйствія прачечной гигиены!

— Кажется, мы попали на ирландскій вопросъ,—сказаль Вилли.—Пожалуйста, довольно. Довольно съ меня было вчера и сегодня; хотѣлось бы передохнуть.

— Въ Ульстерѣ нѣтъ ирландскаго вопроса! Ульстеръ давно на него отвѣтилъ!—воскликнулъ полковникъ, стукнувъ палкой о плиту террасы.—Но гдѣ мы возьмемъ тему для разговора, если исключимъ вопросъ о будущемъ Ульстера?

— Сегодня воскресенье и первый хорошій вечеръ съ самаго мая,—съ упрекомъ замѣтила Минна.

— Спроси у м-ра Джиффорда, запрещено ли благочестивымъ людямъ обсуждать свое будущее по воскресеньямъ, какъ въ хорошую, такъ и въ плохую погоду,—возразилъ отецъ.—Не лишай насъ, дитя, нашей религiи. Неужели моя дочь перешла на сторону враговъ?

— Милый Вилли, вы—буревѣстникъ и неминуемо несете бурю. Повѣрьте, до вашего появленiя мой отецъ ни разу не упомянулъ о гомрулѣ. А вотъ не успѣли вы съѣсть, онъ ужъ началъ... Садитесь и скажите, почему вы въ этомъ году не приняли участiя въ кингстонскихъ гонкахъ?

Вилли опять улыбнулся и сѣлъ на одну изъ кожаныхъ подушекъ на старомъ каменномъ диванѣ.

— Вотъ это называется перемѣнить тему!—воскликнулъ онъ.— Мнѣ кажется, никакое воображенiе не установитъ хотя бы малѣйшей связи между гомрулемъ и кингстонскими гонками. Какъ вы думаете; полковникъ?

— Можетъ быть, вопросъ расоваго соперничества, вѣдь гомруль въ сущности—вопросъ расовой борьбы. Впрочемъ, я не настаиваю на этомъ. Дайте отчетъ, почему вы пренебрегли яхтой?

— Кажется, я могу оправдаться,—отвѣтилъ Вилли.—Дѣло въ томъ, что Джорджъ Гриръ, чьей яхтой я правилъ, когда не было лучшаго рулевого, нынче продалъ ее Эдди Сеймуру, а никто другой меня не пригласилъ.

— Я замѣтилъ, что „Воронъ“ не появлялся въ этомъ году ни въ Дублинѣ, ни въ Бонгорѣ,—сказаль полковникъ.—Но почему Гриръ вздумалъ продать такое хорошее судно? Оно взяло три первыхъ приза и одинъ второй въ прошломъ году, если не ошибаюсь.

— Онъ продалъ ее по той же причинѣ, по какой большинство у насъ стремится продать все, что можно, и даже что нельзя. Угроза гомруля слишкомъ велика.

— Ну вотъ, мы опять на томъ же мѣстѣ, какъ ни быть невinnенъ мой вопросъ!—воскликнула Минна.—Я сдѣлала для васъ, Вилли, все, что могла, теперь я уываю руки.

— Вы сдѣлали благородное усиліе, чтобы совершить невозможное, и это зачтется вамъ,—сказаль Вилли.—Но если бы Гриръ удержалъ яхту за собою, и я принялъ бы участіе въ гонкахъ, я не увѣренъ, что это зачлось бы мнѣ на предстоящихъ выборахъ. Меня намѣчаютъ кандидатомъ на освобождающееся мѣсто въ одномъ изъ округовъ, скажемъ, въ нашемъ, и, пожалуй, я могу лучше использовать свои силы въ виду кризиса, къ которому мы несемъ на всѣхъ парахъ съ дюжиной редмондистовъ, наваливающихъ на рычагъ предохранительнаго клапана, чтобы сдвинуть его.

— Очень радъ, что вы были на демонстраціи,—замѣтилъ Торнтонъ.—Правду сказать, имѣи Ульстеръ лучшихъ представителей, дѣла не шли бы такъ, какъ это было за послѣдніе три-четыре года. Нужно признать, что тактика всегда была лучше у націоналистовъ.

— Но мы еще не побѣждены,—возразилъ Вилли,—сраженіе еще только должно начаться.

— А я начинаю терять довѣріе къ Англіи,—сказаль полковникъ.—Подумайте о подвигахъ націоналистовъ. Вспомните годы обидъ, убійствъ, калѣченія скота, варварства, не уступающія тому, что творится на Балканахъ,—все дѣла рукъ націоналистовъ! А лидеры ихъ выходятъ сухи изъ воды. Они „обѣлены“. Помните поэму Киплинга?

— Сама истина!—воскликнулъ Вилли.—Гомруль—возвратъ къ насилію и варварству. Националисты подали факель—въ буквальномъ смыслѣ факель!—суффражеткамъ. „Мы указываемъ вамъ путь, которымъ вы можете всего добиться отъ Англіи,—сказали они,—ваша вина, если вы не сумѣете!“ Если націоналисты могутъ доказать свою правоту, суффражетокъ нельзя обвинять...

— Само собою разумѣется,—подхватилъ Торнтонъ.—Потому-то я стыжусь за Англію: подчиняться сброду, который всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ торжествовалъ каждое наше пораженіе въ Южной Аѳрикѣ! Они дѣлали это открыто, на глазахъ чуть не всѣхъ членовъ современнаго кабинета. По-моему, вы говорили вполне справедливо. Безъ ухищреній они не прошли бы и въ самыхъ радикальныхъ округахъ. Политика гладстоновскаго кабинета была политикой прыгающей кошки: они выжидали, пока кошка прыгнетъ, теперешній кабинетъ держится у власти только вербовкой красной селедки. ¹⁾

---

¹⁾ Англійскіе солдаты—по краснымъ накидкамъ.

— Ну, теперь мы пришли къ полному соглашенію и, полагаю, можемъ передохнуть,—сказала Минна.

— Нѣтъ, дорогая, это было бы неестественно, — возразилъ отецъ.—Въ вѣрноподданномъ Ульстерѣ нѣтъ иной темы, она въ воздухѣ, мы ее вдыхаемъ, она проникла намъ въ плоть и кровь, отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ наша жизнь и жизнь всего, что есть добраго въ Ирландіи. Мы не можемъ отказаться отъ обсужденія гомруля, какъ живущіе по склону дѣйствующаго вулкана не могутъ игнорировать подземный гулъ или сѣрные пары надъ кратеромъ. Когда мы были заперты въ Лэдисмисѣ съ ульстерцемъ, который держалъ въ своихъ рукахъ престижъ всей Англіи, нашлись люди, которые сочли моментъ благоприятнымъ для открытія философскаго общества. Во время перваго же собранія надъ головами философовъ разорвалась бомба, засыпавъ ихъ тонной земли, прежде чѣмъ они успѣли вынести первую резолюцію. Было рѣшено отсрочить обсужденіе системъ Канта и Декарта до тѣхъ поръ, пока у буровъ истощатся снаряды! О чемъ могутъ говорить пассажиры тонущаго судна?

— Объ остроуміи Маркони,—предположила Минна.

— Совершенно вѣрно. Едва ли они будутъ интересоваться картинами королевской академіи или вымученными островами Бернарда Шоу.

— И потому мы должны весь вечеръ преподносить Вилли вещи, которыя онъ самъ разъ двадцать говорилъ съ двадцати платформъ. Нѣтъ, милый папа, я отказываюсь подчиниться! Я хочу услышать кое-что другое.

Отецъ засмѣялся.

— Я просилъ бы еще позволенія сказать нѣсколько словъ о папистахъ. Не забудьте, къ ужину придутъ Монгомери, и не будетъ ужь случая.

— Прекрасно,—изощрайтесь и собирайте всѣ проклятія на ихъ головы,—и вы тоже, Вилли; но въ присутствіи м-съ Монгомери я запрещаю бранить католиковъ.

— Я лично никогда не склоненъ злословить и менѣе всего по адресу м-съ Монгомери. Если нельзя быть *только* въ вашемъ обществѣ, я буду очень радъ сидѣть за столомъ съ Монгомери. Она очаровательная женщина; съ трудомъ вѣрится, что она католичка.

— Ульстерецъ до мозга костей!—воскликнула Минна.—Онъ не можетъ допустить, чтобы католикъ обладалъ хоть незначи-

тельными достоинствомъ. Истинный ульстерецъ! Надѣюсь,—ваши шансы не пострадаютъ, если пройдетъ молва, что вы на другой день послѣ двѣнадцатаго ужинали вмѣстѣ съ католиками.

— Я предпочту не доводить объ этомъ до свѣдѣнія моихъ избирателей,—замѣтилъ Кинганъ.

— Политика—плохой совѣтникъ,—вставилъ Торнтонъ.—Я не желалъ бы, чтобы на мою долю выпало убѣждать кого-нибудь,—скажемъ, напримѣръ, нашего пріятеля м-ра Александеръ,—въ томъ, что англійскіе католики—наши союзники въ настоящемъ кризисѣ. Тутъ никого не убѣдишь, что англійскіе католики чуть не всѣ на нашей сторонѣ.

— Если вы попробуете имъ это сказать, они заявятъ, что католики—іезуиты и прикидываются консерваторами, чтобы шпионить за нами,—добавила Минна.

— Я считаю за лучшее никогда на публичныхъ собраніяхъ не касаться англійскихъ католиковъ,—сказалъ Вилли.—Этимъ ничего не добьешься, люди только оцетиниваются и говорятъ оскорбительныя вещи по поводу нечестиваго союза.

— Вы положительно были бы великолѣпнымъ представителемъ Ульстера,—замѣтила Минна.

Нельзя было не признать, что м-ръ Кинганъ, несмотря на свое англійское воспитаніе и жизнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Дублинѣ, остался настоящимъ ульстерцемъ. Онъ унаслѣдовалъ всѣ характерныя черты своихъ земляковъ и зналъ, что онѣ, обычно, присущи сильнымъ, способнымъ людямъ, хотя не всегда пріятнымъ для общезитія, и далеко не похожимъ на настоящихъ ирландцевъ. Впрочемъ, люди, поставившіе себѣ цѣлью наживу, рѣдко бываютъ пріятны. Ульстерцы и не гонятся за этимъ и относятся подозрительно ко всякой любезности. Тактъ, деликатность, личное обаяніе—въ ихъ глазахъ орудіе обмана.

Протестантскій Ульстеръ, пожалуй, самая сильная и жизнеспособная община въ мірѣ, и если вы скажете ульстерцамъ, что среди нихъ не очень пріятно жить, они отвѣтятъ, что никто васъ и не принуждаетъ. Они проникнуты волей къ достиженію, силой и благочестіемъ. Они чтутъ небо, которое всегда приходитъ на помощь тому, кто самъ себѣ помогаетъ, и среди нихъ нѣтъ атеистовъ.

Вилли не сразу оцѣнилъ комплиментъ Минны, но, подумавъ минуты двѣ, пришелъ къ заключенію, что большаго комплимента она не могла ему сказать.

— Все, что я могу пожелать, это быть представителемъ того, что создало силу сегодняшняго Ульстера,—сказалъ онъ.

— Или вчерашняго—вчера было ваше Двѣнадцатое,—улыбаясь, поправила Минна.—Ульстеръ великъ Двѣнадцатымъ, не правда ли, Вилли?

— И по праву!—воскликнулъ отецъ.—Помню, въ дѣтствѣ я считалъ Двѣнадцатое пренеспоснымъ днемъ, въ виду его барабанной трескотни и свиста дудокъ; но впослѣдствіи, ознакомившись съ положеніемъ дѣла въ Ирландіи, я пришелъ къ заключенію, что демонстраціи даютъ выходъ инстинкту смѣлаго народа, подозрительно относящагося ко всѣмъ остальнымъ, полагающагося только на свои силы для охраны завоеванныхъ правъ. Событія, имѣвшія мѣсто тридцать лѣтъ тому назадъ, оправдали празднованіе Двѣнадцатаго.

— Боюсь, что Минна равнодушна,—съ подчеркнутой серьезностью сказала Вилли, но Минна знала, что въ глубинѣ души онъ искренно былъ огорченъ.

— Возможно,—отозвалась она—и причиной, вѣроятно, плохая музыка. Это по-женски—скажете вы: не видѣть огромности движенія за слабостью „Бойне Уотеръ“, какъ музыкальнаго произведенія. Но, Вилли, необходимо создать оранжистскую марсельезу! „The Wearing of the Green“ положительно великолѣпна по сравненію съ „Boone Water“.

— Музыка—пустяки,—рѣшительно произнесъ Вилли.—Какіе нескладные вирши вдохновляли нашихъ предковъ, шотландскихъ пресвитеріанъ, въ ихъ походахъ?..

— Но я рада, что никогда не имѣла случая встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ великихъ предковъ. Они были великимъ народомъ, но грубы, ужасно грубы!

На этомъ споръ (если это былъ споръ) и закончился. Послышался шумъ автомобиля, и Минна поспѣшила навстрѣчу своимъ друзьямъ Монгомери, которые обѣщали пріѣхать къ ужину. М-съ Монгомери была близкой пріятельницей Минны, а мужъ ея былъ въ юности сосѣдомъ Торнтона, когда тотъ жилъ въ другомъ округѣ Ульстера. Съ Кинганомъ они тоже были хороши и онъ всегда съ удовольствіемъ бывалъ въ ихъ прелестномъ домѣ подъ Бельфастомъ, гдѣ у м-ра Монгомери было дѣло. Кинганъ очень любилъ ихъ обоихъ, но въ этотъ вечеръ предпочелъ бы ихъ не видѣть въ Лиснабринѣ: онъ боялся, что ему не удастся поговорить съ Минной наединѣ, о чемъ онъ мечталъ во время торжествъ годовщины.

Минну онъ зналъ съ дѣтства и не помнить времени, когда они не называли другъ друга—„Минна“ и „Вилли“. У него всегда было о чемъ съ ней поговорить, но кое-что онъ всегда прибере-

галь для нея одной. Онъ положительно не огорчился бы, если бы моторъ Монгомери сломался на полдорогѣ.

Возможно, что Минна иначе отнеслась бы къ такому происшествію. Она была наблюдательна и, несмотря на то, что Вилли былъ какъ будто и поглощенъ ульстерскимъ вопросомъ, подмѣтила въ его взглядѣ нѣкоторую озабоченность. Она была хороша, ей было двадцать три года, и она имѣла случаи неоднократно убѣдиться въ значеніи подобнаго выраженія. Она ужъ прочла его однажды на лицѣ Вилли и отъ него самого узнала, предвѣстникомъ чего оно бываетъ. Въ виду всего этого она постаралась ни на минуту не оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ и устроила такъ, что Монгомери предложили ему довести его домой: они жили въ разстояніи одной мили.

— Вашему Тимми не нужно будетъ выѣзжать за вами,—пояснила Минна, и Кишгану оставалось только благодарить.

Однако онъ тоже не былъ лишенъ наблюдательности и по своему объяснилъ ея заботливость, при этомъ онъ не могъ не почувствовать, что ни одинъ изъ своихъ визитовъ не можетъ счесть удачнымъ.

Вилли Кишганъ былъ страстнымъ сторонникомъ юніонистовъ, которые рѣшили отнюдь не подчиняться постановленію, проведенному большинствомъ палаты общинъ, вѣдь оно было равносильно подчиненію ульстерскихъ колонистовъ-протестантовъ ирландскимъ папистамъ! Онъ присоединился къ деклараціи полумилліона ульстерцевъ, готовыхъ мечомъ защищать права Англій въ Ирландіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, подобно большинству его друзей, не вѣрилъ въ возможность гражданской войны. Однако нѣсколько словъ Монгомери поколебали его увѣренность.

— Я не думалъ, что націоналисты съ юга пойдутъ на насъ,—сказалъ Гаральдъ Монгомери.

— А ульстерскихъ націоналистовъ мы живо сократимъ,—замѣтилъ Вилли.

— Вы думаете?—быстро отозвался Монгомери.—Я не такъ въ этомъ увѣренъ: стоитъ вспомнить бельфастское возстаніе 1886 г., когда былъ отвергнутъ первый гладстоновскій билль о гомрулѣ. Тогда едва ли двѣ тысячи принимали активное участіе въ этихъ выступленіяхъ, а между тѣмъ тысяча полицейскихъ и солдатъ—пѣхоты и кавалеріи, двѣ недѣли не могли возстановить порядковъ. Первымъ слѣдствіемъ гомруля, если билль пройдетъ, будетъ бунтъ въ Бельфаствѣ, даже не бунтъ, а рѣзня. Поль-города будетъ пылать; тоже будетъ въ Дерри, въ Баллимена, въ Баллиманей, по всему Ульстеру, и число мятежниковъ будетъ уже не

двѣ тысячи, а сорокъ тысячъ. Вспомните верфи, заводы, фабрики... Что могутъ сдѣлать военныя власти? Стрѣлять по мятежникамъ?.. Но какъ, уважая личность, они могутъ разстрѣливать юнионистовъ? Но предположимъ, что столкновение произошло: среди убитыхъ, конечно, будутъ и націоналисты, и юнионисты... Неужели вы думаете, что южане останутся равнодушными, когда узнаютъ, что, по приказу радикальнаго кабинета, перебиты сотни ихъ единомышленниковъ? Всякій, кто знаетъ Ирландію, не усомнится, что отвѣтомъ будетъ рѣзня протестантовъ въ Дублинѣ, въ Коркѣ,—всюду. И что же, полиція и военныя власти начнутъ разстрѣливать бунтовщиковъ-націоналистовъ?.. „Вотъ каково освященіе гомруля?“—раздается крикъ со всѣхъ сторонъ. Этою цѣною мы расплачиваемся за радикальный кабинетъ съ его бюджетомъ въ 200.000,000 ф. ст.?! Что будетъ потомъ,—Богу извѣстно; быть можетъ, всеобщіе выборы, не знаю. Но знаю, что въ прошлую пятницу я распорядился, чтобы мой маклеръ продалъ на 40,000 ф. ст. британскихъ бумагъ и купилъ бы американскихъ акцій... И многіе у насъ въ Бельфастѣ дѣлаютъ то же самое изо дня въ день.

— И наше ученье и гимнастика не ускорятъ кризиса?—спросилъ Вилли.

— Нѣтъ, никоимъ образомъ. Такого рода взрывы не сопровождаются объявленіемъ войны и торжественными выступленіями гражданъ съ оружіемъ въ рукахъ. Гражданская война начинается явочнымъ порядкомъ, достаточно появиться десятку парней съ камнями въ рукахъ... Недаромъ же Бельфастъ, Дерри, цѣлая провинція, какъ Ульстеръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ живутъ въ состояніи сильнѣйшаго напряженія. Если зажженная спичка упадетъ на улицѣ, ее затопчутъ и конецъ, но бѣда, если она попадетъ въ пороховой складъ!

— Совершенно справедливо,—подтвердилъ полковникъ.—Примѣровъ достаточно. Когда граждане вооружаются палками, камнями или ружьями, безразлично, ихъ называютъ мятежниками; но гражданскій мятежь, это—гражданская война въ миниатюрѣ. Въ 64 г. и въ 86 г. полиція и военныя власти не могли подавить мятежь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а тогда всякій порядочный человѣкъ стремился къ поддержанію порядка. А что же будетъ теперь, когда сотни тысячъ лучшихъ гражданъ приняли на себя обязательство воевать?

Припоминая этотъ разговоръ по возвращеніи домой, представивъ себѣ реально неизбежную катастрофу, Вилли Кинганъ

почувствовалъ себя болтуномъ, измѣнникомъ дѣлу, которому клялся служить: онъ могъ огорчаться тѣмъ, что ему не удалось побыть нѣсколько минутъ наединѣ съ миссъ Торнтонъ, или тѣмъ, что просидѣлъ три четверти часа съ Эленъ Александеръ!..

Онъ не скоро заснулъ.

XIV.

На другой день послѣ Двѣнадцатаго въ деревнѣ Скарва въ графствѣ Арма разыгрывается примѣрная битва. Активная роль принадлежитъ живущимъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ военныхъ дѣйствій, но совершается все это ради торжественности подъ покровомъ Оранжевской лиги и въ присутствіи представителей различныхъ ея отдѣловъ. Число зрителей бываетъ иной разъ такъ велико, точно это самое выдающееся событіе въ календарѣ оранжевистовъ.

Каждою непредубѣжденнаго зрителя прежде всего поражаетъ страшная серьезность. На военныхъ смотрахъ лица солдатъ отличаются полнымъ безразличіемъ ко всему, что происходитъ, и это признакъ дисциплины. Пѣхота приучается смотрѣть на себя, какъ на скорострѣльное орудіе, кавалерія должна дѣйствовать, какъ снарядъ. Войска въ Скарвѣ совсѣмъ другого характера. Примѣрное сраженіе—единственное по важности событіе въ году для общины, значить, чуть не на земномъ шарѣ. Потому и для участниковъ, и для зрителей неприлично смѣяться въ этотъ день. Женщины, щеголяющія пестрыми юбками, завороченными на голову на случай дождя,—и шляпами съ экзотическими перьями, не уступаютъ въ торжественности настроенія мужчинамъ.

Въ прежніе годы все сводилось къ большому фарсу. Люди сходились и, насупившись, дрались, кто и какъ хотѣлъ. Теперь провинція увлекается военной выправкой, и все идетъ на военный ладъ. Поле битвы между приверженцами Якова (историческая правда заставляетъ представить эту сторону, хотя добрымъ протестантамъ и обидно брать на себя эту роль) и сторонниками принца Оранскаго обставляется съ извѣстной военной пышностью. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ склоны холмовъ тонутъ въ пороховомъ дымѣ, почти скрывающемъ перипетіи боя: атаки, контръ-атаки, героическое сопротивленіе англичанъ, мелькающія знамена, торжествующіе возгласы: „Да здравствуетъ король Вильямъ!“ и пр., пока самъ король Вильямъ не отдаетъ приказъ памятливыми словами Веллингтона при Ватерлоо: „Впередъ по всей

линии!“ Раздается взрывъ ура, залпы, и ирландцевъ волокутъ въ волны воображаемой Бойне, а барабаны выбиваютъ „Boyne Water“, національный гимнъ „Rule Britannia!“ Далѣе слѣдуетъ стрѣльба въ потѣ лица и выпивка. Планъ сраженія былъ заимствованъ у герцога Веллингтона, и не безъ успѣха, но теперь все измѣнилось! Какой-то антикварій открылъ, что битва при Бойне существенно отличалась отъ битвы при Ватерлоо, но результатъ одинаково великолѣпенъ и непреложенъ. Здѣсь ульстерцы воскрешаютъ старую вражду своихъ предковъ съ ирландцами: ихъ настроеніе не измѣнилось и триста лѣтъ не обратили ихъ въ ирландцевъ. Болѣе ранніе переселенцы на югѣ слились съ ирландцами и „стали больше ирландцами, чѣмъ сами ирландцы“: то были протестантскіе солдаты Кромвеля, женившіеся на католичкахъ, принявшіе ихъ религію и основавшіе наиболѣе видные ирландскіе роды.

Но Ульстеръ остается Ульстеромъ и ежегодно побѣждаетъ ирландцевъ въ битвѣ при Скарвѣ!

Джэмсъ Александеръ съ дѣтства почти никогда не пропускалъ этой битвы. Въ прежніе годы, когда онъ работалъ на фабрикѣ Мегарри, онъ сражался со своимъ шомпольнымъ ружьемъ въ обоихъ лагеряхъ; впослѣдствіи присутствовалъ въ качествѣ зрителя и представителя своего отдѣла. Онъ собирался и въ этомъ году въ Скарву, но его смущалъ вопросъ установки котла: другимъ онъ не довѣрялъ и опасался, что безъ него работа не будетъ закончена ко вторнику. Битва состоится въ его отсутствіе, какъ совершалась въ теченіе ста лѣтъ до его рожденія, а вотъ паровой котель... Къ тому же онъ далъ соотвѣтственныя инструкціи сыновьямъ: они должны были замѣстить его и объяснить его отсутствіе.

Младшій сынъ сперва призадумался—точно эта поѣздка нарушала его собственные планы, однако не успѣлъ отецъ закончить наставленія,—лицо его прояснилось: онъ поѣдетъ на своемъ мотоциклетѣ!

Отецъ сперва запротестовалъ и хотѣлъ уже оставить его наблюдать за установкой котла.

Тутъ въ комнату вошелъ Джэмсъ, и отецъ и ему приказалъ тоже ѣхать въ Скарву...

А онъ собирался навѣстить замужнюю сестру въ Бельфастѣ! Къ тому же поѣздъ тринадцатаго всегда опаздываетъ... Брату Неду хорошо,—онъ можетъ поѣхать на своемъ мотоциклетѣ.

Отецъ призадумался, и ему представилось, что появленіе виднаго стройнаго юноши на мотоциклетѣ обратитъ на себя внима-

ніе, вызоветъ вопросы, разговоры, а мотоциклистъ окажется сыномъ его, Джэмса Александеръ, владѣльца Бриннейской фабрики!

Онъ далъ Неду свое согласіе, но предупредилъ, что „не потерпите, чтобы машина одурачила его вторично...“

Джэмсъ на велосипедѣ поѣхалъ на станцію, чтобы успѣть на поѣздъ. Недъ поблагодарилъ брата за содѣйствіе въ вопросѣ о мотоциклетѣ, но въ сущности не понималъ, „въ чемъ тутъ игра“...

XV.

Джэмсъ Александеръ былъ очень доволенъ, что отправилъ сыновей. Котель удачно избавлялъ его отъ необходимости лгать или хотя бы поступаться правдой. Ему нужно было заняться котломъ и братомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ имѣть представителей въ Скарвѣ. Онъ умолчалъ однако о возможности знакомства съ дядей, о которомъ онъ по тѣмъ или инымъ причинамъ рѣдко вспоминалъ...

Не безъ труда удалось ему убѣдить жену въ томъ, что исторія съ братомъ—не плодъ воображенія, подогрѣтаго излишкомъ виски. За двадцать девять лѣтъ замужества м-съ Александеръ имѣла достаточный опытъ и потому ее трудно порицать за недоувѣріе. Только послѣ того какъ мужъ объяснилъ, что братъ разбогатѣлъ, женился и имѣетъ только одного ребенка, она согласилась на то, чтобы приготовить комнату, хотя въ душѣ все еще сомнѣвалась: слишкомъ ужъ странный случай. Тѣмъ не менѣе она согласилась съ мужемъ, что сыновей лучше отправить. Эленъ—дѣвушка и къ тому же не очень интересуется родней своихъ родителей...

Къ десяти часамъ утра Джэмсъ Александеръ и самъ сталъ нѣсколько сомнѣваться,—братъ что-то не появлялся!

Около одиннадцати, когда м-ръ Александеръ „почти“ слышалъ удары молотовъ на своей фабрикѣ и слышалъ разговоры рабочихъ, дѣлившихся впечатлѣніями Двѣнадцатаго, въ ворота Ардрѣа вѣхала телѣжка; въ ней сидѣлъ его братъ Ричардъ съ двумя большими дорожными свертками.

Такимъ образомъ его репутація благоразумнаго пьяницы была восстановлена, не говоря о томъ, что въ собственномъ мнѣніи она еще болѣе упрочилась.

— Кто это?—спросила Эленъ у матери, когда телѣжка проѣхала мимо оконъ столовой, гдѣ они надписывали банки съ вареньемъ.

— Господи Боже! Однако это оказалось правдой!—воскликнула

мать, вскакивая съ мѣста. — Я просто глазамъ не повѣрила. Подумай, вѣдь я не велѣла Дженъ стлать покрывало...

— Да кто онъ?

— Тише, услышишь. Это твой дядя, Ричардъ Александеръ.

— Мой дядя? Да откуда онъ взялся? Отчего вы не сказали, что ожидаете его?... Онъ останется здѣсь?

— Я и сама ничего не знаю. Отецъ рассказалъ мнѣ цѣлую исторію, когда я ночью пришла, чтобы отвести его въ постель.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и упорнаго торга съ извозчикомъ братья вошли въ комнату. Эленъ сразу узнала, что пріѣзжій—братъ ея отца, только года на два старше.

— Вѣдь я никогда еще не видѣлъ ихъ, Джимми!—воскликнулъ Ричардъ, кивая на дамъ.—Скажи, кто изъ нихъ мать и кто дочь?—продолжалъ онъ, прежде чѣмъ братъ успѣлъ его представить.

— Бросьте, Ричардъ Александеръ!—воскликнула мать шутя, но энергично хлопнувъ его по плечу.—У васъ тамъ, вѣрно, всѣ такіе льстецы! Ну, что бы вамъ было предупредить!

— Съ вами я не желаю разговаривать, тетенька, а вотъ эту родственницу я не прочь обнять,—заявилъ онъ, направляясь къ Эленъ.—Онъ съ минуту задержалъ руку молодой дѣвушки и, критически наморщивъ лобъ, разглядывалъ ее.—А эти глаза, вѣрно, многимъ тутъ кружатъ голову. Откуда она, Джимми? На васъ она ничуть непохожа.

— Придержи языкъ, любезный; всякій видитъ, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на свою мать,—возразилъ Джэмсъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы изъ нея вышла такая красивая женщина,—замѣтилъ Ричардъ, подмигивая Эленъ, чтобы дать ей понять, что онъ хочетъ только потушить ревность въ душѣ матери.

— Что за человекъ вашъ братъ, Джэмсъ!—воскликнула м-съ Александеръ.—Я ужъ не знаю, выпроводить ли мнѣ васъ, или пригласить остаться; но если вы останетесь, я научу васъ, какъ себя держать. Намъ здѣсь не нужно льстецовъ, не правда ли, Эленъ?

— Не сойти мнѣ съ этого мѣста, но я сказала, что думалъ,—воскликнулъ Ричардъ.—А у васъ все тотъ же кокетливый взглядъ, хотя у васъ уже взрослая хорошенькая дочка, м-съ Александеръ!

— Гдѣ слыхано, чтобы говорили такимъ тономъ!—возмутилась лэди, обращаясь къ мужу.

— Онъ старается, чтобы его угостили рюмочкой послѣ перѣзда,—пояснилъ Джэмсъ.

— А я думаю, что вы стараетесь для себя, м-ръ Александеръ,—замѣтила Сузанна.—Ну, здѣсь въ эту пору дня рюмочекъ не подносятъ. Уходите и не мѣшайте намъ работать.

— По-моему, рюмка-другая не повредить. Что скажете вы, Дикъ?

— Предоставимъ ей рѣшить: не такъ ужъ она жестокосерда! А я такъ высохъ, что если меня начать выколачивать, такъ изо рта пыль пойдетъ!

— Хорошо, дѣлайте, какъ хотите,—заявила хозяйка, направляясь къ буфету изъ краснаго дерева и доставая полный графинъ виски.—На буфетѣ стоялъ графинъ съ водою и сифонъ съ содой.

— Такъ-то уютнѣе!—замѣтилъ хозяинъ.—А то что же за приемъ послѣ тридцатилѣтней разлуки: даже глотокъ виски пожалѣли!.. За ваше, братъ Ричардъ!

— За ваше и за вашихъ, Джэмсъ; Миссъ—не знаю, смѣю ли назвать по имени такую важную барышню—да гдѣ же она?—спросилъ Ричардъ.

— Она удрала, когда я сталъ наливать виски,—отвѣтилъ отецъ.—Она три года пробыла въ лучшей бельѣастской школѣ и насъ считаетъ неотесанными, простыми мужиками.

— И права,—сказала жена.—Ужъ чего проще... Каковъ въ колыбельку...

— Да, мы никуда и не лѣземъ,—продолжалъ Джэмсъ.—Въ Ульстерѣ нѣтъ предразсудковъ. Чѣмъ больше я вижу вашихъ спесивыхъ господъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что мы не хуже ихъ. И право не думаю, что я дѣлаю больше ошибокъ въ разговорѣ, чѣмъ они. Мы говоримъ достаточно хорошо, и всякій знаетъ, что только въ Ульстерѣ и говорятъ правильно. Мы только и стараемся, какъ бы наши дѣти не лѣзли въ господа. Нынче всѣ куда-то торопятся.

— Ну, что вы говорите, Джэмсъ!—возразила м-съ Александеръ,—развѣ не естественно для нихъ желать стать господами?

— Я ничего не говорю,—оправдался мужъ,—я полагаю, что дѣтямъ порядочныхъ протестантовъ, какъ мы, вполне естественно желать этого; а вотъ что сказать насчетъ Пауэровъ, которые спятъ и во снѣ видятъ сдѣлать своихъ дѣтей господами. Паписты, а туда же лѣзутъ, хотя въ равняются съ нами!

— Это вы о Михаэлѣ Пауэрѣ?—спросилъ Ричардъ.

— Да. Мукомоль онъ, папистъ до мозга костей. Говорятъ, онъ изъ собственнаго кармана оплачиваетъ церковные расходы. И имѣетъ наглость воображать, что мы позволимъ Эленъ водиться съ нимъ! Нѣтъ, такихъ господъ нужно держать на разстояніи!

— Можетъ быть! Гдѣ живутъ теперь Пауэры? Я хорошо помню Микки. Мы вѣдь хорошо были знакомы, и мнѣ хотѣлось бы вспомнить съ нимъ старину,—сказалъ Ричардъ.

Джэмсъ быстро обернулся.

— Для чего вамъ это понадобилось? Мало здѣсь развѣ нашего народу, чтобы знаться съ папистами?

— Не слушайте его! — дружески замѣтила хозяйка. — Отчего вамъ не повидаться съ Микки, если хочется?

— Да вѣдь онъ заядлый папистъ! — выпалилъ мужъ.

— Подождите, я скажу, почему я хочу его видѣть. Микки былъ одинъ изъ послѣднихъ, съ кѣмъ я видѣлся передъ отъѣздомъ, тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ меня убѣждалъ не уѣзжать, увѣряя, что на родинѣ, при желаніи, дѣла хватить. Теперь мнѣ хотѣлось бы повидаться съ нимъ и сказать ему, что у меня капиталъ въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ и дѣло въ Мельбурнѣ, дающее около двухъ тысячъ годового дохода, — вотъ что значить уѣхать! И спрошу его, что сдѣлалъ онъ дома?

Джэмсъ стукнулъ правымъ кулакомъ по лѣвой ладони:

— Вотъ это по-моему! Подразните его, сдѣлайте изъ пятидесяти семьдесятъ тысячъ, — три тысячи годового дохода. Потрясите передъ нимъ мощной и скажите, что все это пойдетъ на борьбу съ націоналистами. Я готовъ подвезти васъ, кстати мнѣ нужно заглянуть на фабрику. Подразните его хорошенько!

Джэмсъ вышелъ распорядиться закладкой шарабана въ одну лошадь, вмѣщавшаго шестерыхъ пассажировъ и кучера.

— Чѣмъ ему досаждаютъ Пауэры?

— Тѣмъ только, что они католики — развѣ этого мало? — замѣтила м-съ Александеръ.

— Чортъ возьми! Здѣсь попрежнему кисло глядятъ на папистовъ? — спросилъ Ричардъ.

— Кисло? А я скажу, что это — пахтанье, стоявшее цѣлую недѣлю, — поправила она.

XVI.

Недаромъ они оба были ульстерцы; они отнюдь не чувствовали комизма положенія: человекъ, ограбившій своего брата, отправившій его въ изгнаніе на цѣлыхъ тридцать лѣтъ, ѣхалъ вмѣстѣ съ этимъ братомъ къ его же имѣнію... Оба они относились или дѣлали видъ, что относятся къ положенію, какъ къ вполне естественному. Но, будучи ульстерцами, они думали про себя, не высказывая своихъ мыслей.

Поговорить имъ и безъ того было о чемъ: они ѣхали по мѣстамъ, обоимъ знакомымъ съ дѣтства, и Джэмсъ указывалъ брату на перемены, происшедшія за тридцать лѣтъ его отсутствія.

Старшее поколѣніе вымерло въ большей части; выросло новое

поколѣніе, и къ нему возвратившійся изгнанникъ отнесъ свое замѣчаніе:

— Отцы пошли ни съ чѣмъ, а дѣти стали господами.

Были, конечно, и крахи, были люди, унаслѣдовавшіе отъ шотландскихъ предковъ непреодолимое тяготѣніе къ пьянству и передавшіе эту слабость своимъ сыновьямъ и дочерямъ. Джэмсъ Александеръ приводилъ примѣры, отнюдь не морализируя на тему пьянства и трезвости, онъ былъ просто лѣтописцемъ.

Замокъ былъ въ арендѣ у сэра Самюэля Дрисколя, бельфаастскаго судовладѣльца, получившаго передъ смертью титулъ баронета. Онъ сумѣлъ сколотить копейку, хотя въ юности ходилъ безъ сапогъ. А сынъ его перехитрилъ самого отца. Про него рассказываютъ, что однажды онъ на нѣсколько дней исчезъ изъ конторы отца. Возвратившись, онъ усѣлся на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало. На вопросъ отца, гдѣ онъ провелъ это время, Джонни отвѣтилъ, что, пользуясь затишьемъ, рѣшилъ съѣздить въ Глезго, о которомъ много слышалъ.—Такъ, ну что же ты скажешь?—Ничего особеннаго, большой городъ.—И только?—Былъ я въ докахъ—тамъ много судовъ.—Для судовъ они и предназначены. И все?—Тамъ я увидѣлъ судно, оно шло за дешевую цѣну, и я купилъ его за восемнадцать тысячъ.—Серьезно? Такъ тебѣ придется платить за него изъ собственного кармана,—замѣтилъ отецъ,—у насъ достаточно пароходовъ, а фрахтъ стоитъ такъ низко.—Суденышко было такое хорошенькое и совсѣмъ задешево,—твердитъ Джонни.—Тѣмъ лучше для тебя. Но фирма платить за него не будетъ.—И не нужно—я перепродалъ его въ тотъ же день за двадцать двѣ тысячи.—Отецъ помолчалъ и потомъ только замѣтилъ, что сынъ его „сдѣлалъ глупость, продавъ судно такъ дешево“. Джонни согласился.

Ричардъ припомнилъ въ свою очередь много разныхъ анекдотовъ о старомъ поколѣніи; братъ приводилъ факты, говорящіе о томъ, что и въ младшемъ поколѣніи нѣтъ недостатка въ дѣловой жилкѣ...

Наконецъ, шарабанъ остановился на перекресткѣ.

— Теперь можете добираться сами. Видите большой кедръ? Я не могу позорить протестантскую лошадь, заставляя ее итти къ папистскимъ воротамъ. Слѣзайте.

— А возвращаться мнѣ придется пѣшкомъ?

— Да, конечно. До свиданья.

Ричардъ не безъ восхищенія смотрѣлъ вслѣдъ отъѣхавшему шарабану.

— Чортъ возьми! И характеръ же у этого человѣка! Гдѣ же съ нимъ тягаться!

Ричардъ направился къ сѣрому дому, полузаслоненному отъ дороги огромнымъ кедромъ. Домъ былъ средней величины и не больше претендовалъ на архитектурныя достоинства, нежели кирпичное зданіе въ трехстахъ шагахъ отъ него. Это и была мукомольная мельница Микаэля Пауэра. Ричардъ помнилъ ее, и ждалъ, что она выросла за эти годы, какъ и все остальное: такъ казалось возвратившемуся изгнаннику. Но мельница не измѣнилась. Въ былыя времена она могла создавать капиталы, когда сосѣдніе фермеры сѣяли хлѣбъ и сажали ленъ; теперь обогащаются другія страны, снабжающія мукой Ирландію.

Ричардъ заглянулъ черезъ плетень и увидѣлъ опрятный садъ. Всюду, гдѣ не было тѣни кедра, были яркія розы... Пока онъ стоялъ у плетня, растворилась калитка въ оградѣ, и показался человѣкъ, приблизительно его лѣтъ, съ граблями въ рукахъ, направился къ клумбѣ подлѣ забора и сталъ разрыхлять землю. Онъ работалъ, не обращая вниманія на стоящаго за заборомъ незнакомца, хотя и замѣтилъ его.

— А садъ совсѣмъ протестантскаго вида, м-ръ Пауэръ,—промолвилъ Ричардъ.

(Въ большинствѣ мѣстностей католической Ирландіи чистота и опрятность приписываются протестантамъ; въ Ульстерѣ католики идутъ дальше—про красиваго человѣка говорятъ, что у него лицо протестанта.)

Человѣкъ обернулся и съ удивленіемъ воззрися на говорившаго.

— Очень радъ, что онъ вамъ понравился, но скажите ваше имя, и вашъ комплиментъ будетъ мнѣ еще пріятнѣе.

— Угадайте, Микаэль,—предложилъ Ричардъ.

Пауэръ подошелъ къ плетню и долго всматривался въ его лицо, но долженъ былъ признаться, что не помнитъ его, хоть голосъ какъ будто знакомъ.

— А помните, какъ васъ жестоко побилъ старый Ревн, когда засталъ насъ обоихъ на своихъ сливахъ? Я-то успѣлъ улизнуть...

— Неужели это вы, Дикъ Александеръ? Неужели и я такъ состарился?

— Да, хоть вы и не странствовали по свѣту въ теченіе тридцати лѣтъ. Увы! и святой водой не остановишь времени.

— Заходите же сюда! Надѣюсь, вы еще что-нибудь расскажете.

Ричардъ направился къ калиткѣ. Пауэръ шелъ съ нимъ рядомъ по ту сторону плетня и старики, разставшіеся тридцать два года тому назадъ, пожали другъ другу руки, словно не видѣлись со вчерашняго дня.

— Войдемъ въ домъ и расскажем мнѣ о себѣ. Вы не старше своихъ лѣтъ, однако. Вамъ шестьдесятъ два, если не ошибаюсь.

— Совершенно вѣрно. Но меня можетъ хватить еще на двадцать: мой отецъ спился лишь къ восьмидесяти семи.

— Повидимому, вы хорошо устроились, Дикъ, а я-то отговаривалъ васъ уѣзжать въ Австралію!

— Помню, но не такъ я глупъ, чтобы слушать совѣты...

Войдя въ домъ, они сѣли къ столу, и Пауэръ поставилъ на столъ графинъ виски и стаканы.

Они выпили залпомъ за здоровье другъ друга и обтерли себѣ рты.

— Да, не думалъ я, что мнѣ суждено съ вами увидѣться,—сказалъ Пауэръ.—Хотя скорѣе увидѣлись бы мы съ вами, чѣмъ съ вашимъ братомъ.

— Было между вами что-нибудь, кромѣ его болтовни о папистахъ? Мнѣ ужъ онъ успѣлъ этимъ надоѣсть, хотя мы провели вмѣстѣ не больше двухъ часовъ.

— О, оставимъ его! Онъ меня никогда не оскорблялъ,—замѣтилъ Пауэръ.

— Однако могу завѣрить, это не зависитъ отъ недостатка желанія!... Право, Микаэль, я полагаю, что Ульстеръ—единственное мѣсто во владѣніяхъ его величества, гдѣ живетъ еще вражда между нами и вами. Въ Австраліи я отвыкъ отъ всего этого, но, услышавъ въ субботу въ Бельфаствѣ барабанъ, увидѣвъ оранжистскія триумфальныя арки, я вспомнилъ все.

— И положеніе все ухудшается. Если гомруль пройдетъ и станетъ закономъ, мнѣ съ дѣтьми не будетъ здѣсь житья. Плохо придется католикамъ на сѣверѣ.

— Это всякому дураку ясно,—подтвердилъ Дикъ.—Расскажите лучше о себѣ, о своихъ дѣлахъ. — Помню, когда я уѣзжалъ, у васъ въ люлькѣ качался мальчуганъ.

— Данни, онъ женился и хорошо устроился въ Канадѣ. Есть у меня и еще сынъ, Джэкъ. Я устроилъ его въ Бельфаствѣ, но изъ этого ничего не вышло, католикамъ въ Бельфаствѣ не даютъ хода. Онъ дома, хотя трудно знать льняное производство лучше его.

— Пойдите, я долженъ посмотреть его. Я устроился и, можетъ быть, сумѣю помочь вамъ. У меня въ Мельбурнѣ большой магазинъ и трое управляющихъ. Я, конечно, не могу заранѣе обѣщать, вѣдь не покупаютъ свинью въ мѣшкѣ, но я *готовъ* сдѣлать. Только не заикайтесь ему объ этомъ. У васъ только двое?

— Есть еще дочь, Кэтъ. Вотъ она идетъ.

Ричардъ обернулся къ окну.

— Славная дѣвушка и славный юноша съ ней, это и есть братъ?

— Ну, что вы! Хорошо дядя,—не знаетъ собственнаго племянника, сына брата! Это—Недъ, Александеръ младшій.

— Гуляеть съ вашей дочерью?...

— Я не способствовалъ этому, но не буду и препятствовать. Я считаю за лучшее не закрывать передъ нимъ дверей и не запрещать дочери разговаривать съ нимъ только потому, что его отецъ ярый оранжистъ, а я католикъ. Если это будетъ имѣть какія-нибудь послѣдствія, я не буду считать себя достойнымъ порицанія. Я довольно молодежи видѣлъ на своемъ вѣку, чтобы знать, что всѣ всегда идутъ своимъ путемъ, не считаясь съ родителями, будь они оранжисты или католики.

— А вы не боитесь Джэмса?

— Отнюдь. Я не хуже его оттого, что я католикъ.

— Хорошо! Выпьемъ еще!

Они поднялись и выпили, заключивъ такимъ образомъ договоръ, какъ принято въ Ульстерѣ; пожалуй, оно лучше и во всякомъ случаѣ гигиеничнѣе цѣлованія мечей.

М-ръ Пауэръ распахнулъ окно и позвалъ Эдуарда „познакомиться съ дядей“.

Юноша выразилъ сперва недоумѣніе, потомъ разсмѣялся и сказалъ нѣсколько словъ хорошенькой дѣвушкѣ, съ которой сидѣлъ на скамейкѣ подъ кедромъ. Они вмѣстѣ подошли къ окну.

— Такъ вотъ какой Эдуардъ?—проговорилъ Ричардъ.—Вы никогда случайно не слышали объ утраченномъ братѣ? Нѣтъ? Такъ вотъ я, братъ вашего отца, о которомъ онъ никогда не говорилъ. Я пріѣхалъ къ нему нѣсколько часовъ тому назадъ, а онъ подвезъ меня сюда, пока ему позволила его оранжистская совѣсть. Домой мнѣ придется шагать; можетъ быть, вы составите мнѣ компанію?

— Если вы говорите серьезно, я могу предложить вамъ поѣститься за мною на моемъ мотоциклетѣ.

— Но, можетъ быть, тѣмъ временемъ вы меня представите барышнѣ? Здравствуйте, миссъ. Вы можете на слѣдствіи засвидѣтельствовать, что я, уѣзжая, былъ трезвъ; кромѣ того, можете до конца дней своихъ хвастать, что вы послѣдняя женщина, съ которой Дикъ Александеръ говорилъ.

Перевела З. Зеньковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)